

того же содержания, как выражаются вульгаризаторы философии) и то, из чего происходит порождение, всегда принадлежат к одной и той же субстанции. Благодаря этому для вас не звучит странно изречение Гераклита, утверждающего, что все вещи суть единое, благодаря изменчивости все в себе заключающее. И так как все формы находятся в нем, то, следовательно, к нему приложимы все определения и благодаря этому противоречащие суждения оказываются истинными. И то, что образует множественность в вещах, это – не сущее, не вещь, но то, что является, что представляется чувству и находится на поверхности вещи.

Теофил. Это так. Помимо этого я хочу, чтобы вы глубже усвоили основы этой важнейшей науки и этого солиднейшего фундамента истин и тайн природы. Во-первых, я хочу, чтобы вы отметили, что природа нисходит к производству вещей, а интеллект восходит к их познанию по одной и той же лестнице, что тот и другая продвигаются от единства к единству, проходя через множественность средств. Я оставляю без рассмотрения тот факт, что перипатетики и многие платоники благодаря своему способу философствовать заставляют предшествовать множественности вещей как середине чистейшую действительность, с одной стороны, и чистейшую возможность, с другой. Другие же хотят при помощи известной метафоры применить мрак и свет к образованию бесчисленных степеней форм, образов, фигур и цветов. За теми, кто принимает два начала и два принципа, следуют другие – враги и ненавистники многоначалия; они заставляют эти два начала совпасть в одном, которое в одно и то же время есть бездна и мрак, ясность и свет, глубокая и непроницаемая темнота, горний и недостижимый свет.

Во-вторых, примите во внимание, что интеллект, желая освободиться и отрешиться от воображения, с которым он соединен, помимо того, что прибегает к математическим и воображаемым фигурам с тем, чтобы при их помощи или путем уподобления понять бытие и субстанцию вещей, приходит также к тому, что множественность и разнообразие видов относит к одному и тому же корню. Так, Пифагор, считая числа специфическими началами вещей, за основание и субстанцию всех их принимал единицу; Платон и другие, полагающие, что виды являются фигурами, за один и тот же корень и основу их всех принимали точку как субстанцию и всеобщий род. И, быть может, поверхности фигуры – это то, что Платон подразумевает в своем Большем, а точка и атом – в своем Меньшем, говоря о двойных специфических началах вещей, началах, которые в дальнейшем сводятся к одному как всякое делимое к неделимому. Следовательно, те, кто утверждает, что субстанциальным началом является единица, понимают субстанцию как число, другие, кто утверждает, что субстанциальным началом является точка, понимают субстанции как фигуры. И все они сходятся в том, что принимают неделимое начало. Но способ Пифагора является лучшим и более чистым, чем способ Платона, ибо единство есть причина и основание неделимости и точности, и это начало более абсолютно и более приложимо к всеобщему сущему.

Гервазий. Почему Платон, живший позже Пифагора, не учил так же, как он, или еще лучше?

Теофил. Потому что он предпочитал считаться учителем, говоря худшее, к тому же менее удобным и менее подходящим способом, чем получить репутацию ученика, говоря лучшее и лучшим образом. Я хочу сказать, что целью его философии было в большей мере собственное слово, чем истина, ибо, без всякого сомнения, он прекрасно понимал, что его способ более подходит к вещам телесным и рассматриваемым телесно, тот же другой способ не менее удобен и подходящ ко всем остальным вещам, какие могут быть произведены разумом, воображением, интеллектом, одной и другой природой. От Платона, как это всякий признает, не было скрыто, что единство и число обязательно испытывают и дают основание точке и фигурам, а не испытываются с необходимостью и не получают основания от фигур и точек, как субстанция измеримая и телесная зависит от бестелесной и неделимой. Кроме того, первая независима от второй, ибо основание чисел находится без основания измерения, но вторая не может быть независимой от первой, ибо основание измерения не находится без основания чисел. Поэтому арифметические уподобление и соизмерение являются более подходящими, чем геометрические, для того, чтобы оказать нам помощь посредством величины для созерцания и познания этого неделимого начала. Так как это – единственная и коренная субстанция всех вещей, то невозможно, чтобы она имела точное определенное имя и такое название, которое обладало бы положительным, а не отрицательным значением. Поэтому одними она была названа точкой, другими – единицей, третьими – бесконечным и другими – различными способами, подобными этим.

Прибавь к этому уже сказанное, что когда интеллект хочет понять сущность какой-либо вещи, он прибегает к упрощению, насколько это возможно; я хочу сказать, что он удаляется от